

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-58-62

Смысловые диапазоны подтекста в рассказе Вс. В. Иванова «Близ старой Смоленской дороги»

Игорь Сергеевич Урюпин

*Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
e-mail: is.uryupin@mpgu.su*

В статье в историко-культурном и поэтико-онтологическом аспектах рассматривается когнитивно-семантическая организация рассказа Вс. В. Иванова «Близ старой Смоленской дороги», выявляется конструктивная функция подтекста, определяется ее сюжетообразующий потенциал. Цель исследования – охарактеризовать содержательно-смысловые диапазоны подтекста на мотивно-образном, архитектонико-композиционном, идейно-философском уровнях произведения. Для реализации поставленной цели используется структурно-типологический метод изучения литературных явлений, а также элементы герменевтического, интертекстуального, стилистического анализа художественной прозы в ее синтагматике и парадигматике. В рассказе Вс. В. Иванова, посвященном годовщине Бородинской битвы и написанном в годы Великой Отечественной войны, имплицитно проводятся параллели между судьбоносными для отечественной истории событиями, представляется национальный миропорядок, осмысливается тема отдельной, частной истории и ее неразрывной связи с историей всеобщей. В центре внимания художника оказывается образ русской крестьянки, аккумулирующей архетипические черты Матери Сырой Земли, Родины, отдавшей во имя победы над врагом своих близких; на основе ее восприятия мира и войны дается понимание великих испытаний, выпавших на долю Отечества. Однако образ старухи Агриппины Карьиной и ее жизненной драмы в рассказе Вс. В. Иванова представлен глазами Василия Андреевича Жуковского, являющегося воплощением авторского сознания. Столкновение/диалог различных жизненных миров и составляет внутренний сюжет произведения, реализующийся в подтексте, который помогает автору осмыслить жизнь и судьбу героини. Подтекст, оказывающийся конструктивным приемом сюжетостроения рассказа, позволяет художнику передать истинные мысли героини, трагедию и подвиг ее близких в Бородинской битве, о которых она не говорит прямо, но которые понятны «посвященному» собеседнику.

Ключевые слова: *Вс. В. Иванов; подтекст; авторское сознание; сюжет; архетип старухи; Бородино; художественный образ*

Ссылка для цитирования: *Урюпин И. С. Смысловые диапазоны подтекста в рассказе Вс. В. Иванова «Близ старой Смоленской дороги» // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 3. – С. 58–62. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-58-62.*

Subtextual Scopes of Meaning in Vs. V. Ivanov's Story «By the Old Road to Smolensk» («Bliz Staroi Smolenskoi Dorogi»)

Igor S. Uryupin

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
e-mail: is.uryupin@mpgu.su*

The article deals with cognitive and semantic organization of Vs. V. Ivanov's story «By the Old Road to Smolensk» («Bliz Staroi Smolenskoi Dorogi») in historical, cultural, poetical and ontological aspects. The constructive function of the subtext with its plot-building potential is revealed. The aim of the research is to disclose subtextual scopes of meaning and semantics on the motive and imagery; architectonical and compositional; idea and philosophy levels of the text. With this aim the structural and typological method of investigating literary phenomena was used along with the elements of hermeneutical, stylistic analysis of literary prose in its syntagmatics and paradigmatics. Vs. V. Ivanov's story devoted to the anniversary of the Battle of Borodino and written in the years of the Great Patriotic War gives implicit parallels between the events fateful for the Russian history, presents a national image of the world and conceptualizes the notion of an individual private history with its close connection with world history. The author's attention is focused on the image of a Russian peasant woman who accumulated the archetypal features of Mother Earth and Motherland having renounced all her family for the sake of the victory. Comprehension of severe hardships of Homeland is given though her understanding of war and peace. But the image of the old woman – Agrippina Caryina – and her life drama in Vs. V. Ivanov's story is represented through the eyes of Vasily Andreyevich Zhukovsky who impersonated the author's mind. The conflict/dialogue of two different life worlds shapes the inner plot of the story realized in the subtext, which helps the author to comprehend the life and fate of the heroine. The subtext being a constructive means of the story plot building enables the artist to transfer the real thoughts of the heroine, the tragedy and feat of her family in the Battle of Borodino, which she does not directly speak about, but which are clear to the «enlightened» interlocutor.

Keywords: Vs. V. Ivanov; subtext; the author's mind; plot; old woman's archetype; Borodino; literary image

A reference for citation: Uryupin I. S. Subtextual scopes of meaning in Vs. V. Ivanov's story «By the old road to Smolensk» («Bliz staroi Smolenskoi dorogi»). In *Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]*. 2020, vol. 81, No 3, pp. 58–62. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-58-62.

Проза Вс. В. Иванова при всей ее экспериментальности и авангардности, присущей литературному объединению «Серапионовы братья», оказавшему на писателя колоссальное влияние в самом начале творческого пути, продолжала «традиции русской литературы XIX века» [Спиридонов 2009: 694] в постижении важнейших онтологических проблем современности, особенно в период революционных катаклизмов, изменивших ход национальной истории. Уже в ранних произведениях Вс. В. Иванова отчетливо проявилось стремление «осознать происходящее в России в исторической перспективе, исследовать истоки развернувшихся» на глазах художника «конфликтов, понять их закономерности и движущие силы, провести поучительные исторические аналогии» [Трубина 1999: 9], которые способны разъяснить важнейшие социальные, политические процессы, определяющие существование человека в мире.

В конце 1930-х — начале 1940-х гг., в эпоху величайших испытаний, выпавших на долю Отечества, в прозе Вс. В. Иванова, лирико-философской и исповедальной по своему характеру, очень остро встали вопросы духовно-нравственного бытия русского народа, его культурно-цивилизационной состоятельности и жизнестойкости. В книге «На Бородинском поле. Рассказы 1939–1943 годов» (М.: Советский писатель, 1944) писатель обратился к героическим страницам российской

истории, осмыслил драматический, а подчас и трагический путь, который суждено было пройти русскому народу, принеся на алтарь победы свои священные жертвы. Рассказ «Близ старой Смоленской дороги» (1943) является центральным в «Бородинском» цикле Вс. В. Иванова, объединившем на уровне содержания, мотивов и образов отдельные произведения, написанные во время Великой Отечественной войны и посвященные легендарным подвигам солдат Отечественной войны 1812 г., сквозь призму восприятия которой автор осмысливает судьбу России.

Хронотоп рассказа, воссоздающий события бородинской годовщины 1839 г., разворачивающиеся «в том месте, где, позади третьего корпуса Тучкова, двадцать семь лет тому назад стояли в ожидании боя полки московского ополчения, а позже отступал от Москвы Наполеон»¹, позволил художнику, не прибегая к нарочитой тенденциозности, провести вполне определенные фактические и типологические параллели между прошлым и настоящим, пробудив у читателя чувство исторического оптимизма. Победа русского народа над супостатом, посягнувшим на Россию в начале XIX в., вселяла уверенность в победе советского народа над

¹ Здесь и далее текст цит. по: Иванов Вс. В. Собр. соч.: в 8 т. — М., 1959. — Т. 4: Рассказы (1930–1955).

страшным врагом, вероломно напавшим на СССР в XX в.

Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами —

писал В. А. Жуковский в поэме «Певец во стане русских воинов», аллюзии и реминисценции из которой пронизывают рассказ «Близ старой Смоленской дороги», актуализируя через подтекст историсофский метасюжет ратной доблести русского воинства. Не случайно именно Жуковского делает Вс. В. Иванов не просто героем своего рассказа, но выразителем особого авторского сознания, которое органично соединяет разные смысловые, временные пласты, обеспечивая прочную духовно-культурную, ментально-психологическую связь соотечественников — предков и потомков. «Хорошей болью болело сердце», — замечает Вс. В. Иванов, — когда писались поэтом пламенные строки «Певца...», что «в тысячах списков разнеслись по всей России», пробуждая «беспредельную решимость биться за родину, отчизну, землю, семью»².

Оксюморонный эпитет (*хорошая боль*), по замечанию Е. А. Краснощековой, — «самое излюбленное поэтическое средство Иванова» [Краснощекова 1969: 8], позволяющее предельно точно передать широчайший диапазон переживаний героя и автора, постигающего тайну отдельного и всеобщего бытия. В семантической партитуре рассказа «Близ старой Смоленской дороги» эпитет становится главным конструктивным приемом создания художественного образа, реализуя не только изобразительно-выразительную, но и миромоделирующую функцию. Так, с помощью эпитета писатель добивается исключительной точности в передаче внешнего и внутреннего облика персонажей: будь то родные и близкие Жуковского, оказавшие колоссальное влияние на становление его как личности и как художника (*мать... дивная, какая-то вся прозрачная, турчанка с длинными заостренными ресницами над древними, медленно разгорающимися глазами; мечтательная Маша Протасова с росистыми мерцающими глазами; такая лунно-нежная и ласковая; Е. А. Протасова — крутая и незыблемая женищина с мрачными*

буклями над кремнистым и презрительным лбом), или же случайно встреченная поэтом на Смоленской дороге старуха Агриппина Карьина с *мутно-мраморным лицом, с крылатыми седыми бровями*, являвшими *следы былой красоты*. Поразившая Жуковского-царедворца, *поэта и воспитателя наследника цесаревича*, увлеченного европейской культурой и почти совсем не знающего русский народ, своей этнографической самобытностью, а главное — первозданной простотой и сердечностью, дорефлексивной мудростью, духовной чистотой и наивностью, она становится главной героиней рассказа, носителем и хранительницей национального мироуклада.

Образ старой крестьянки, отправившейся на Бородинское поле, чтобы заказать *панакиду по убиенным воинам: Марку и сыну ее Степану*, в художественной системе рассказа приобретает архетипические черты не просто матери, но Матери Сырой Земли — Родины. *Простите, добрые люди, зыбкое бабье сердце. Понимаю — земля зовет, знаю — надо — сокрушается Агриппина, отрывая «от сердца» своих близких, благословляя их на ратный подвиг, как благословляла Богородица на крестный путь своего единородного Сына. А потому на исповеди скажет старухе поп: Многие грехи тебе простятся, мать, многие, понеже муж и сын твой пали на поле бранном. Однако нет ничего исключительного в поступках Агриппины, каждая мать готова пожертвовать во имя Отечества самым дорогим, что у нее есть. Такова и инокиня Мария, бывшая прежде женой генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова-четвертого, погибшего вместе с мужем и сыном старухи; на бородинской годовщине она стояла неподалеку от гроба <Багратиона>, скромно опустив некогда великолепные очи, ныне окруженные зловещими темными пятнами приближающейся смерти. Неизбывно материнское страдание инокини Марии, уже отрешившейся от всего земного, «нет места» среди живых и старухе Агриппине, все время вспоминающей своих убиенных родных: мужа Марка Иваныча и сына, безумомонного, с нежным лицом, — Степушки; некому рассказать о своем горе. А очень хочется ей именно рассказать людям о своих близких, поделиться самым сокровенным и важным, быть услышанной и понятой:*

И не останутся ли возвращающиеся с праздника солдаты? И она расскажет, как умерли и как жили ее муж Марк Иваныч и сын,

² Иванов Вс. В. Указ соч. — С. 270.

безугомонный Степушка. Да разве для нее, для старухи, останются солдаты.

Единственным ее собеседником оказывается свернувший с Можайского тракта на старую Смоленскую дорогу сильный барин — В. А. Жуковский.

Диалог Агриппины Карьиной и Василия Андреевича Жуковского, составляющий сюжетно-смысловое ядро рассказа, создается автором по принципу *quid pro quo* («одно вместо другого»³), когда вместо рассказа о подвиге солдат «тучковского полка» герои беседуют о «тучковском» стаде:

— Хороший скот, матушка, Тучковых? — Не-не, батюшка, — торопливо заговорила старуха. — Зворыкиных будет скот, Зворыкиных. Тучковых здесь нетути. Тучково войско идет, мне бы на него посмотреть, батюшка...

Все мысли героини были отнюдь не о зворыкинском стаде (хотя и восхищалась она его исключительностью: *у них, сказывают, бык пятьдесят пудов весу...*), а о тучковских воинах, героически сражавшихся на том самом поле, на котором спустя четверть века паслись коровы. Но о самом главном не решалась сказать барину старуха, подумалось ей:

Поговорю с ним о коровках, а там, слово за слово, с коровок перебросимся на Бородино <...> все ему расскажу, все...

И это *все*, что так волновало Агриппину Карьину, писатель передал в подтексте, ведь, по справедливому замечанию Н. А. Николиной, «художественный текст всегда содержит не только прямую, но и *неявную* информацию» (выделено Н. А. Николиной. — *И. У.*) [Николина 2003: 20]. За историей о корове Бурешке, которую потеряла крестьянская семья перед самым Бородинским сражением (*И давала та корова, не поверишь, в один удой ведро с четвертью молока*), протупает история воинского подвига родных Агриппины:

Ты слушай, батюшка, насчет коровенки. Муж-то мой, Марк Иванович, стоял на самом Бородинском, в полку Тучковом... и сын,

Степушка, направился к нему. А перед самым тем уходом Бурешка-то и пади. Ох, и парень был Степушка, десятерых один кормил бы!

Главная по сути, эта история оказывается на периферии рассказа Агриппины, в буквальном смысле **под текстом** о корове Бурешке. А потому весь «разговор старухи» показался поэту *переполненным околичностями; он стал расспрашивать ее о корове, для того чтобы старуха рассказала ему другое — как и что чувствовали на Бородинском поле ее муж и сын*. В один момент собеседник даже засомневался:

Знает ли она что-нибудь о могуществе России, добытом ее близкими здесь, на Бородинском поле? Понятен ли ей смысл сегодняшнего торжества?

На все эти вопросы Агриппина Карьина вряд ли могла бы ответить прямо, разумно и точно, но сердцем она очень хорошо чувствовала и переживала боль всей матушки-России, отдавшей своих сыновей в жертву во имя победы над врагом. На вопрос барина: *Что с твоими сталося при Бородинском, бабушка?* — Агриппина лишь разрыдалась: *С моими-то, батюшка, о-о-ох!* <...> *О-о-о-и-и!*

Однако в этом необычайном по силе эмоционального надрыва ответе протупает самое настоящее осознание и могущества России, и величайшего подвига народа, который невозможно выразить никакими словами. Только через подтекст удастся художнику передать сложнейшую диалектику «сказанного и мыслимого, вербализованного и невербализованного, объективного и субъективного» [Лелис 2011: 20]. В прозе Вс. В. Иванова подтекст аккумулирует разные культурные, исторические, ментально-психологические смыслы, которые реализуются в мотивно-образной структуре произведений. Впрочем, по утверждению А. М. Камчатнова, «подтекст — это не всякий смысл, а лишь тот, который рассчитан на понимание посвященных» [Камчатнов 1988: 43]. Именно такой подтекст становится сюжетоорганизующим в рассказе «Близ старой Смоленской дороги», где в роли посвященного выступает Жуковский, пытающийся за рассказом крестьянки о своей коровешке разгадать истинный смысл ее «бородинских» переживаний. *Но как уловить ее*

³ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. — М., 1994. — Т. 1. — С. 426.

мысли, как понять ее? — вопрошал самого себя поэт, сердцем откликаясь на поведенную старухой историю.

Далеко не каждый способен заглянуть в чужую душу, проникнуть в ее неизреченную глубину. Вот и после расставания с добрым барином — единственным, кто сумел по-настоящему пропустить через себя каждое сказанное и несказанное слово героини — ее собеседником становится отставший от своей части солдат. Только, в отличие от Жуковского, ему недосуг было говорить со старухой: *Вот и спасибо, бабка*, — поблагодарил он ее за крынку воды. — *Коров, что ли посеешь? Паси, паси!..* Однако коровы уже не стали предметом разговора Агриппины и уже тем более не всколыхнули в ее памяти никаких воспоминаний. Весь диалог старухи и солдата прямолинейно прагматичен и лишен какого бы то ни было подтекста, ведь и солдат не посвящен в семейную историю Карьных, и сама Агриппина не захотела *выспрашивать про тучковский полк*, потому что не чувствовала в собеседнике душевно-духовной заинтересованности в общении, готовности воспринять ее жизненную драму в неразрывной связи с драмой всего народа.

Так подтекст в рассказе Вс. В. Иванова оказывается главным средством выражения сокровенных мыслей и переживаний героев, вступающих друг с другом в диалог, вербальная и невербальная сторона которого определяет понимание собеседников, их укорененность в одной и той же исторической, социокультурной «почве», обеспечивающей единство народа и личности. Составляя идейно-философское ядро произведения, его онтологическую и аксиологическую матрицу, имплицитное содержание отдельной, сугубо частной истории старухи Агриппины Карьиной приобретает всеобщее значение, как общенационального масштаба достигает вклад в победу на Бородинском поле всех его защитников, вписавших свои имена в великую Книгу Жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Жуковский В. А. Избранное. — М., 1986.
- Камчатнов А. М. Подтекст: термин и понятие // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 1988. — № 3. — С. 40–45.
- Краснощекова Е. А. Поэтическая речь раннего Всеволода Иванова // Русская речь. — 1969. — № 4. — С. 7–11.
- Лелис Е. И. Теория подтекста. — Ижевск, 2011.
- Николина Н. А. Филологический анализ текста. — М., 2003.
- Спиридонов С. Н. Замятинская «школа» сказа в прозе Вс. Иванова 1920-х годов // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. — Тамбов, 2009. — С. 694–697.
- Трубина Л. А. Историческое сознание в русской литературе первой трети XX века: Типология. Поэтика. — М., 1999.

REFERENCES

- Zhukovsky V. A. Favourites. — Moscow, 1986. (In Rus.)
- Kamchatnov A. M. Implication: term and concept. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological sciences. Scientific reports of the higher school]. 1988, No. 3, pp. 40–45. (In Rus.)
- Krasnoshchekova E. A. Poetic speech of early Vsevolod Ivanov. In *Russkaya rech'* [Russian speech]. 1969, No. 4, pp. 7–11. (In Rus.)
- Lelis E. I. Theory of implication. Izhevsk, 2011. (In Rus.)
- Nikolina N. A. Philological analysis of the text. Moscow, 2003. (In Rus.)
- Spiridonov S. N. Zamyatin's «school» of the narration in prose of Vs. Ivanova the 1920th years. In *Literaturovedenie na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskie individual'nosti*. [Literary criticism at the present stage: Theory. History of literature. Creative identity]. Tambov, 2009, pp. 694–697. (In Rus.)
- Trubina L. A. Historical consciousness in the Russian literature of the first third of the XX century: Typology. Poetics. Moscow, 1999. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь Сергеевич Урюпин, доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX–XXI веков, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, г. Москва, 119435, Россия

Igor S. Uryupin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia